

ПАТРОНИМИЯ КАК ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В КОЧЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

Автор данной статьи поставил целью обосновать характер и содержание государственной власти у средневековых кочевых народов на примере древних тюрков. Выявленное этнографами явление «патронимии» достаточно убедительно позволяет решить вопрос о принципах соподчиненности и иерархии в этих обществах.

Политическая власть над обществом предполагает определенный порядок, внутреннюю структуру этой власти и систему соподчиненности. С.Г. Кляшторный отмечает, что «тюркский эль, как и любое из племен, входивших в него, был детально ранжированным сообществом, где положение каждого эра определялось прежде всего степенью привилегированности его рода или племени. Строгая иерархия родов и племен была в кочевнических государствах Центральной Азии основополагающим принципом общественного и государственного устройства» [1, с. 71].

Указаний на внутреннюю ранжированность кочевых социумов в научной литературе накопилось достаточно много. Но мало аргументированных объяснений того, на чем базируется эта структурная иерархия общества. Между тем предложенный этнологами термин «патронимия» находит все больше достаточных оснований для более точного обозначения данного социального явления применительно к средневековью. Приступая к рассмотрению этого явления, мы заранее предостерегаем от прямого сопоставления патронимии с патриархальной теорией возникновения государства. Патронимия – это один из структурных элементов политической организации общества, патриархальная теория – научная теория-гипотеза.

Впервые термин «патронимия» для обозначения отношений большой патриархальной семьи предложил М.О. Косвен, который считал, что патронимия – это «...историческая общественная форма, свойственная патриархально-родовому строю» [2, с. 97]. Далее он уточняет, что патронимия «...представляет собой группу семей, больших или малых, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархальной семейной общины, сохраняющих в той или иной мере и форме хозяйственное, общественное и идеологическое единство и носящих общее патронимическое, т. е. образованное от собственного имени главы разделившейся семьи, наименование» [2, с. 97]. Развитие

этого понятия на центрально-азиатском материале получило в трудах известного этнографа Н.А. Кислякова [3, с. 269-280]. В кочевом обществе, в отличие от оседло-земледельческого, патронимические отношения и патронимическая идеология (родственной взаимопомощи) приобретают всеобщий характер, и их можно условно, по нашему мнению, разделить на два вида. Первый вид – это *малая патронимия*, или собственно патронимия, т. е. определенные родственные отношения в семье, минимальной кочевой общине, роде. Р.В. Golden замечает, что «в семье и в роде кровные связи были искренними. На большем уровне эти отношения становились менее тесными» [4, с. 24]. Второй вид – *большая патронимия*, те же отношения, которые сложились на принципах родственности в семье, но применяемые в кочевом обществе для всеобщего регулирования взаимных отношений на межродовом и межобщинном уровне. Принципы родственных отношений охватывают все роды социума, конструируя целостные, логические отношения в обществе. Таким образом, основным строительным принципом государства в силу особенностей общественного устройства кочевых социумов является патронимия, а не антагонистические сословно-классовые отношения, характерные для Европы. Патронимия наследуется из родового общества с существенным изменением базовых элементов. Вместо рода, тотального собственника, в хозяйственной общине эпохи бронзы у кочевников основой патронимических отношений является семья – частный собственник стад домашних животных и другого имущества.

Причина такой стабильности или консервативности патронимической организации в Центрально-Азиатском регионе заключается в том, что в основе хозяйственной деятельности кочевых скотоводов доминирующими производственными ячейками продолжают оставаться объединения на основе генеалогических подразделений.

Патронимия – это форма регулирования общественных и иных отношений в социуме по признакам генеалогической близости и на патриархальных принципах отношений в семье.

Земледельческие общины с утверждением частнособственнических отношений достаточно быстро становятся соседскими, территориальными, а органы регулирования через родственные связи в экономической (позже в общественной) жизни этих обществ отмирают вследствие отсутствия необходимости. Этому способствуют объективные обстоятельства, связанные: 1) с трудовой и экономической самодостаточностью большой патриархальной земледельческой семьи, не нуждающейся в родовом (коллективном) покровительстве для осуществления непосредственной хозяйственной деятельности; 2) с объективными процессами седентаризации в маргинальных (с кочевнической ойкуменой) зонах разноэтничных, пауперизованных групп, вытесненных из ареала кочевого скотоводства; 3) с корпоративно-специализированным устройством средневековых поселений и городов с кварталами и поселениями по профессиональному признаку и т. д.

Патронимия отражает реальности общества, где на первоначальных, низовых звеньях происходит регулирование общественных отношений на основе семейно-родовых, т. к. у кочевых скотоводов организация процесса производства основана на коллективном использовании пастбищных массивов и ряда других трудовых операций. Принципы существования, организации, в т. ч. государственного управления, соседних оседло-земледельческих обществ из-за разности экономических реалий не могут быть образцом для новых отношений в период интеграции двух обществ вследствие их чуждости, несоотнесенности с базовыми номадными принципами существования.

Специфика организации скотоводческого производства есть основная причина, из-за которой семейно-родственные статусные отношения становятся основным принципом, своего рода «клише», организации номадного общества на всех уровнях и практически во всех проявлениях, как, например, надродовые и государственные структуры номадного общества, правовая система, традиции наследования и передачи власти в государственных институтах, связанных с управлением, государственная идеология, отношения между служащими и т. д.

Патронимия в системе политических отношений общества обеспечивает подчинение и соподчинение людей друг другу в соответствии с общественным и государственным статусом и выполняемыми функциями по принципу «старший – младший в семье». Данный принцип не только обеспечивает подчинение младших структур старшим, но в свою очередь обязывает «старшего» заботиться о благополучии «младшего» и сильно ограничивает применение аппарата насилия, который в кочевых государствах все же имелся в виде ям-тюрем, тюремных зинданов в контролируемых городах, отрядов-телохранителей, исполняющих полицейские функции, армии, используемой для подавления т. н. «мятежников» или не желающих подчиниться сепаратистов. Свидетельством наличия у кочевников органов насилия является также практика организации государственных пахотно-земледельческих поселений из числа военнопленных и т. д. Однако *аппарат подавления предназначен для исключительных случаев и не является основным при обеспечении соподчиненности в системе государственного управления номадов*. При этом мы продолжаем считать, что важным признаком государства, в том числе номадного, продолжает оставаться аппарат принуждения.

Суть этих всеобъемлющих отношений заключена в нуклеарной семье номадов. Хозяйствующая семья является частью аула, минимальной общины. Последняя соотносится с таким понятием, как семейная община. Минимальная община, вне сомнения, в количественном отношении гораздо меньше, чем ру (род) [5, с. 24-25]. Именно в границах аула – рода возникает регулирование общественных и иных отношений на основе патронимических отношений. Имея известного предка, члены этой группы общества составляют единую хозяйственную, социальную и идеологическую связь – патронимию, которая характеризуется как «... коллективы близких родственников, связанных общностью хозяйственных, обрядовых, территориальных интересов. Именно в патронимии кочевник находит защиту, помощь. Она играет важную роль в социализации личности, гарантирует жизнеобеспечение не только отдельному человеку, но и семье в целом» [6, с. 186]. В этой системе отношений внутренний порядок саморегулируется за счет внутренней семейной иерархии. Семейная иерархия возникает из естественной разницы в поле, возрасте и произ-

водственном опыте. Взрослые дееспособные члены семьи являются авторитетом и объектом послушания для младших членов семьи. Это положение многократно обыгрывается в обычном (в его хозяйственной части) и в семейном праве, в частности в левирате и сорорате.

Схема внутрисемейной иерархии, которую мы называем малой патронимией, практически полностью переносится на отношения внутри династийного рода, таким образом, отдельные нормы, регулирующие внутривидовые отношения, приобретают формы государственного права.

Сегментированные семьи по этому принципу расширяют патронимическую организацию, а также слой соподчиненных общин, глава которых в возрастном отношении объективно оказывается самым старшим. Как правило, старшие – беги и бии, концентрируя в себе большой естественный, производственный и общественный опыт и находясь во главе сегментарной семьи, выступают в роли распорядителей, регуляторов, арбитров в отношении своей группы семей и аулов. Этим самым отношения естественного подчинения и главенства выходят за рамки индивидуальной нуклеарной семьи, становясь реальным фактором социального саморегулирования.

Как показали исследования советских и казахстанских историков, аул и род – это явления прежде всего производственной, хозяйственной жизни общества. При экономической необходимости они могли инкорпорировать в свою патронимическую организацию неродственные в генеалогическом плане группы людей, а размеры аулов (минимальных общин) и кошей (максимальных общин) диктовались производственной необходимостью и природными возможностями региона. Принципиальные моменты патронимии как социального явления Ю.И. Семенов видит следующим образом: «Границы территории племени не были границами самого племени. Границей такого социального организма была граница круга людей, входивших в его состав. Этот круг был четко фиксирован. Существовали правила, определявшие принадлежность человека к данному кругу, а тем самым и социальному организму. Тот или иной человек входил в состав этого круга в силу определенной связи между ним и человеком, уже принадлежащим к нему» [7, с. 56].

Куренные способы объединения были явлениями исключительными и характерными в

основном для периода военных конфликтов и столкновений, а также для той части степной аристократии, которая выполняла управленческие функции и в силу этого вынуждена была содержать большой штат инкорпорантов: наемников, слуг-рабов, комендантов и т. д. Но и они индифицировали себя в системе большой патронимии как принадлежащие роду покровителя.

Однако необходимость общественного регулирования, без чего невозможно нормальное функционирование кочевого хозяйства, требовала распространения принципов саморегулирования на различные общественные объединения, количеством большие, нежели аулы и коши.

Племя в нашем случае – союз родов, устойчивое объединение родов по регионально-хозяйственному признаку, в т. ч. имеющих единое генеалогическое (соответствующее этническому) начало. В зависимости от традиции и порядка сложения данного объединения, роды-инициаторы распространяют на инкорпорантов принцип старшинства и естественной иерархии соподчиненности родов. Понятие племени необходимо отнести к условным. Современные этнологи крайне осторожно относятся к этому понятию, т. к. под ним часто подразумевают широкий спектр этно-хозяйственных объединений за длительный исторический период. В лексике тюрко-язычных народов такое понятие отсутствует. В истории имеются различные объединения родов, имеющие общие мифо-генеалогические корни и, главное, хозяйственную целостность. Термин «племя» в классическом семантическом понимании, основанном на трудах Л. Моргана [8], совершенно не находит аналогов ни у персов, ни у тюрко-язычных кочевников, тем более у земледельческих обществ, и носит в этой сфере условно-умозрительный характер. Чаще всего под «племенем» понимают некую длительно существующую потестарную организацию хозяйственно и политически самостоятельных родов. В целях избежания путаницы вследствие длительного использования этого термина в определенных случаях мы также продолжим использование этого понятия, но в контексте подразумеваем, что племя – это объединения или союзы родов без глубокого этнологического смысла.

Род у кочевников, как ни парадоксально, представляет собой хозяйственное объединение семей, имеющих в целом (с учетом «усыновленных» семей) общий генеалогический исток. Во

внешнем аспекте род находится в сложных иерархических взаимоотношениях с другими родами и объединениями Степи. Эти отношения базируются на широких всеобщих патронимических отношениях.

Мы подробно коснулись вопроса о патронимии в генеалогическом отношении, но данный институт имеет экономико-правовой аспект. Считаем, что именно в этой системе отношений можно поднять дискуссионный вопрос о собственности и «владении» центральной властью всеми формами имущества внутри государства.

В данном случае применительно к средневековым тюркам речь идет о таксономических уровнях патронимической организации. Семья в этой системе отношений – наименьший уровень, аул – второй уровень, который имеет равное право на определенную, компактно расположенную долю пастбищ в степи, тем самым он владеет данной долей кормовых ресурсов и опосредованно является верховным (но не повластным) собственником скота и другого имущества аула. Данная верховная собственность, по сравнению с частно-семейной собственностью, отнюдь не виртуальное явление, а наделенная рядом существенных признаков реальность в виде коллективной имущественной ответственности по аипам (штрафам), калымам и т. д.

Тюркские оги и будуны – новые таксономические уровни общества и патронимии – за счет количества вовлеченных в них аульных хозяйств предстают верховными собственниками больших территориально пастбищ, кочевий и имущества, все право на владение которыми практически сводится к праву управлять и регулировать предыдущими уровнями в силу старшинства и традиций повиновения младших родовых бегов старшим. Однако чем выше уровень, тем меньше у них реальных прав на непосредственную (даже в плане владения) собственность номадов и реальных экономических и правовых рычагов давления на низшие звенья общества. С другой стороны, чем выше таксономический уровень кочевнических родовых объединений, тем больше у него составляющих прав собственности на пастбища, особенно на спорные пограничные кочевья, тем выше оптимальные возможности хозяйственного маневра при распределении пастбищ, тем больше будун выставляет войск, тем оно сильнее и влиятельнее остальных кочевых объединений и со-

седних номадных и земледельческих социумов, особенно при решении различных внешних правовых и др. проблем. Обратная тенденция высоких таксономических объединений – это серьезное уменьшение прав хозяйственных первоначальных единиц (семей и аулов) и увеличение общих обязанностей. Равновесие между двумя тенденциями устанавливается на потестарном уровне социума, который не исчезает с возникновением государственных институтов и в низших звеньях продолжает существовать и дополнять политические органы управления. Париритет интересов достигается путем подчинения и системы компромиссов интересов низших звеньев общества перед высшей властью.

Основным и самым важным объединением кочевого общества во все времена оставался аул. Только на базе данного хозяйственно-производственного подразделения строились все остальные структуры общества. Интересы аула прежде всего защищались и учитывались, так как это единственная социальная реальность такого общества.

Данное объединение родов имеет уже не естественного, как в родах, потестора, а нового, выбранного всеми политического руководителя, пришедшего к власти в условиях новых социальных отношений, нежели родовых. Как правило, это потесторы третьего порядка, которые отражают имперские амбиции тюрков-туцзюэ.

Принцип патронимии в любом случае генерирует зарождение привилегированных сословных групп, возглавляющих в конечном счете в силу различных обстоятельств степную иерархию. Как правило, они выходцы из наиболее влиятельных и древних родов. Принадлежность к привилегированному сословию предполагает наличие эксклюзивных (но не наследственных в полном смысле этого слова) прав на отдельные должности в государственных структурах, что, в свою очередь, дает право на сбор определенных налогов с отдельных местностей и родов, чрезвычайные права в военное время, право на содержание отряда наемных телохранителей (исполняющих, по сути, полицейские и мелкие чиновничьи функции), право на значительную часть военных трофеев и дани с покоренных племен и инициативу при заключении междинастийных браков, а это, в свою очередь, важный политический инструмент привлечения на свою сторону могущественного рода или объединения родов и по-

тенциальный перевес степного паритета в сторону своего клана (важного фактора при становлении политического потестариата). Все это мы находим у всех кочевников, имевших государственно-правовые институты, и в частности у объекта нашего исследования древних тюрков.

В определенных политических обстоятельствах такие степные кланы легко создают новые политические и идеологические традиции, а усложнение управления и необходимость решения новых сложных внутри- и внешнеполитических задач приводят к зарождению разветвленного бюрократического аппарата и регламентации новых отношений.

Власть династии над обществом освящается специально созданным мифом, в котором реальные события перемешиваются с вновь созданной легендой. В повседневной действительности миф ложится в основу общегосударственной, в том числе религиозной, идеологии, обрядов и ритуалов, а также миф используется при создании новых политических традиций. Аккумулятивный военно-политический вес правящего рода среди других родов естественным образом выдвигает их на высшее место в степной иерархии родов. Талантливые выходцы из династии путем различных военных и других акций увеличивали славу удачливого правителя, что ценилось чрезвычайно высоко в кочевном обществе, этому же способствовали монументальные погребальные сооружения, пышные ритуалы и другие специальные мероприятия. Этот высший таксономический уровень через право регулирования и распоряжения пастбищной базой общества и новыми завоеванными территориями приобретает часть прав

собственника и распорядителя большого «семейного» имущества.

Выводы. Применительно кномадам содержание понятия «патронимия», предложенное М. Косвенем, усложняется. В новом варианте это явление можно обозначить как патронимия «малая» и «большая». Организация хозяйства в общине на основе родственной взаимопомощи двухпоколенчатых семей и ответственности есть сущность *малой патронимии*. Распространение этих отношений, наложенное на соответствующий менталитет и идеологию, на все общество в виде образца внутриобщественных отношений, есть *большая патронимия*. Р.В. Golden по этому поводу отмечает, что «...факторы родства, часто высокополитизированные, продолжали играть важную роль в политическом устройстве кочевников даже на государственном уровне» [9, с. 135]. В кочевом социуме это наиболее важное общественное явление, т. к. именно патронимия определяет место рода и самого человека в структуре общества. В обществе и в семье патронимия лежит в основе правовых, межличностных, внутриобщинных и государственных отношений, пронизывает общество сверху донизу, попутно отражаясь на всем: материальной и духовной культуре, международном праве и политике государства и т. д.

Именно этот институт отвечает за соподчиненность в кочевнической вертикали власти и делает неглавным аппарат насильственного подчинения классов и отдельных социальных групп в обществе. Патронимия во многом определяет и идеологически обосновывает объем прав и обязанностей каждого субъекта кочевого государства.

Список использованной литературы:

1. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб.: Фан, 1994. – 168 с.
2. Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М.: Наука, 1963. – 241 с.
3. Кисляков Н.А. О сущности понятия «патронимия» // Страны и народы Востока. Вып. XVIII. География. Этнография. История. Памяти А.В.Королева. М., 1976. – С. 269-280.
4. Golden P.V. Ethnicity and state formation in pre-cinggisid turkic Eurasia. Bloomington: Indiana Universiti, 2001. – 46 с.
5. Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария. М.-Л.: АН СССР, 1957. – 337 с.
6. Артыкбаев Ж.О. Казахское общество в XIX веке: традиции и инновации. Караганда: Полиграфия, 1993. – 330 с.
7. Семенов Ю.И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества // СЭ, 1982, №2. – С. 48-59.
8. Морган Л. Первобытное общество или исследование линии человеческого прогресса от дикости, через варварство к цивилизации.
9. Golden Peter B. The Qipcads of Medieval Eurasia: An Example of Stateless Adaptation in the Steppes. // Rules from the Steppe. Vol 2. 1989. Los Angels Ethnographics Press.